

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

РУССКАЯ ОБРЯДОВАЯ ПЕСНЯ В ОРЛОВСКИХ ЗАПИСЯХ

В.В. Полосухин

RUSSIAN RITUAL SONG IN OREL RECORDS

Polosuchin V.V.

Orel land has all the rights to be considered the folk pearl of Russia. The following article suggests the survey of a vast stratum of Orel folk poetry that is calendar ritual songs. They have been written by the author and are put into scholar circulation for the first time.

Орловщина по праву считается фольклорной жемчужиной России. В статье исследуется самый обширный пласт народной поэзии Орловщины – календарные обрядовые песни. Они записаны автором и впервые вводятся в научный оборот.

УДК 801.8

Возникнув задолго до появления письменной литературы, народное поэтическое творчество имеет самые древние корни. Процессы его происхождения и развития своеобразны и сложны. Все это вызывает необходимость разработки наиболее наглядных и конкретных методов изучения устного народного творчества, которые бы позволили понять это живое поэтическое искусство.

На Орловщине провел многие годы жизни Петр Васильевич Киреевский. Его собрание народных песен, ставшее выдающимся памятником не только отечественной, но и мировой культуры, знаменовало новый этап в развитии общеславянской фольклористики. Оно создавалось на основе и с учетом того, что было сделано предшественниками в области изучения песенного творчества западноевропейских и славянских народов.

Изучение народной песни в неразрывной связи с повседневной жизнью крепостных крестьян является одним из основных завоеваний русской фольклористики первой половины XIX века. Заслуга Киреевского в этой области велика. Среди собранных им песен – непревзойденные по своей красоте поэтические произведения, раскрывающие все многообразие духовной жизни русского народа.

Значительную часть народных песен, записанных Киреевским, составляют песни обрядовые, которые на Орловщине живут и поныне. Об этом свидетельствуют современные записи, сделанные нами в последние

десять лет в тех местах, в которых когда-то записывал фольклор Киреевский.

Подойдя к изучению песен календарно-обрядового цикла с социально-исторических позиций, мы увидим в них характерные особенности, типичные для мировоззрения крестьянства эпохи феодализма и крепостничества. Это прежде всего отражение в песнях труда крестьянина-земледельца и соответствующих форм ведения натурального хозяйства, в которых обнаруживаются элементы товарно-денежных отношений. Земледельческий труд составляет одну из центральных тем народного песенного творчества. Материалы Киреевского показывают, что труд земледельца широко представлен в народных песнях. Но изображение труда в календарно-обрядовой поэзии имело и свою специфику. Сама эта поэзия до известной степени как бы была вплетена в трудовую жизнь земледельца, является ее элементом.

Группа празднеств русского народного земледельческого календаря на Орловщине, как и повсеместно, начиналась с коляды, т.е. с поворотного момента, когда в ночь с 24 на 25 декабря день начинает прибавляться, солнце поворачивается на лето. Коляда характеризуется пением новогодних заклинательных песен, дошедших до нас в своих архаических формах.

Колядки-просьбы варьировались как песни, непосредственно требующие подаяния:

Коляда, коляда,
Подай пирога.
Не режь, не ломай,
Лучше всех подавай (8, с. 2);

песни, повествующие о приготовлении обрядовой еды:

Коляда, коляда
Накануне Рождества.
Тетенька добренька,
Пирожка-то сдобненько.
Не режь, не ломай.
Поскорее подавай.
Двоим, троим –

Давно стоим
Да не выстоим.
Печка-то топится,
Пирожка-то хочется (8, с.3);

удаче, как результате подаяния:

Пришла коляда
Накануне Рождества.
Хозяюшка, родная матушка,
Не ленись, подымись,
Ты подай пирога –
Целый двор живота.
Не подашь пирога –
Одна куричья нога (8, с. 4).

Аграрная и семейная темы в колядках переплетаются, так как для крестьянина они одинаково важны: рождение мальчика столь же знаменательное событие, как и получение богатого урожая. На мальчика получали землю, он являлся значительной поддержкой в семье, притом не мальчик вообще, а работающий, знающий свое дело.

Столь же важным для семьи хозяйственным актом является женитьба сына – она увеличивала в семье количество рабочих рук, соответственно и достаток. Поэтому и колядки не могли пройти мимо такого явления.

Образы хозяина, хозяйки, девушки в рассматриваемых произведениях явно идеализируются. Это явление типично для народного календарного творчества многих губерний России. В орловском селе поют:

Как у кочета головушка краснехонька,
У Ивана-то жена хорошенькая.
Она по двору идет,
Словно павонька плывет
Таусень! (8, с. 6).

Взрослой девушке величальная песня приписывает прежде всего нежность. Она красива, как ягодка-земляничка, одета в красивое нарядное платье, и немудрено поэтому, что «все бояре-господа» не могут оторвать от нее очарованного взгляда, никто не может пройти мимо нее, не узнав, «чьего она рода, чьего племюшки».

А у девушки оказывается
... батюшка –

Светел месяц.
Таусень!
А матушка – красно солнышко,
Таусень! (8, с. 7).

В то же время девушка предстает перед нами как труженица, на чьи плечи ложатся обязанности выполнять многие сельскохозяйственные работы, которыми занята крестьянская семья. И делает она каждое дело не как-нибудь, а с сердцем, умело и заботливо.

Следовательно, новогодние песенколядки изображают не только идеальные женские образы, они связывают их с хозяйственными заботами, со стремлениями крестьянства, приближают их к действительности.

Среди святочных гаданий особое место занимают подблюдные гадания, которые сопровождалась короткими (от одной до десяти строк) подблюдными песнями. В них участвовали обычно все девушки деревни или деревенского конца.

Подблюдные песни используют традиционные формулы календарного фольклора, отдельные мотивы и образы, связанные с семантикой богатства и брака, отдельные композиционные приемы. Примером такого заимствования могут быть девичьи гадания о замужестве:

Не вода ль моя, водичка, вода ключевая.
А кто ж тебя, водичка, отыгрывать будет?
Молодые молодухи да все
красны девушки (8, с. 10).

Смысл многих обрядов, исчезнувших в конце XIX – начале XX вв. или частично еще существующих, но превратившихся в игру, забаву, не ясен современному человеку. Но сопровождавшие их поэтические произведения календарного обрядового фольклора, сохранившиеся полностью или частично в народной памяти, хранящиеся в архивных фондах, помогают раскрыть истинный смысл обрядов.

Заключительным актом зимнего периода являлась масленица.

Произведения, в которых непосредственно говорилось бы о масленице, в орловских селах записано тридцать. Наиболее популярна «Здравствуй, наша гостья – масленица».

Здравствуй, наша гостья – масленица,
Авдотьюшка Изотьевна,
Дуня белая, Дуня румяная,
Коса длинная, триаршинная,
Лента алая, двуполтинная,
Платок беленький, новомодненький,
Брови черные наведенные,
Шуба синяя, ластки красные,
Лапти частые, головастые,
Портянки белые, набеленные (8, с. 11)

Песням, исполнявшимся при встрече масленицы, противопоставлены песни на ее проводах. Почтительный тон обращений к «гостье дорогой» здесь оставлен:

Да вот масленица, ох, со двора съезжает,
Да кургузая, ох, с широкого
Подворья съезжает... (8, с. 12)

В орловских селах молодухи с венками из искусственных цветов собирались на горе, носившей название «масленичная гора». Солдатки возили их с горки на пучках конопли. За это получали по кольцу. Кольцо – символ брака и любви – давали молодухи солдаткам, чтобы быстрее приехали их мужья. Здесь мы видим соединение двух магий – семейной и земледельческой, ибо катание на санках с высокой горы и особенно на пучках конопли представляло собой земледельческую магию, направленную на получение высокого, обильного роста льна и конопли.

На горе молодые женщины исполняли песни, имевшие эротический характер, которыми старались разбудить силы земли.

Выделяется особый тип песен, обозначаемый как «масленичные колядки», которые исполнялись накануне сожжения и во время обхода домов. Исполнялись они в основном детьми с целью получения награды. Этот обычай возник как подражание рождественскому или новогоднему колядованию,

не случайно в большинстве мест его так и называли. Такая узкая направленность отразилась на их композиционных особенностях. Они представляли собой развернутые рифмованные тексты, сюжет которых построен на устойчивой смене мотивов. Начинались с зачина, в котором повторялось «коледа» или «коледа-моледа», далее один за другим идут мотивы: 1) мотив оповещения, например «завтра масленица»; 2) мотив обращения-требования, типа «Дядя, дай сенца...»; 3) мотив угрозы, начинавшийся со слов «А не дашь...». Эти песни сходны с рождественскими колядками наличием номинации «коляда» и ритуальной угрозы, но тексты более краткие, сюжетная канва свернута до минимума. Они носят следы явно позднего происхождения (по сравнению со святочными колядками), имеют намного меньше разновидностей.

Главным из весенних праздников, знаменующих собой союз природы с жизнью человеческой, является заклинание весны.

Заклинание весны, как и в большинстве губерний и уездов России, приходилось на Орловщину на начало марта. 9 марта хозяйки пекли обрядовое печенье – фигурки в виде птиц – «жаворонков». Дети брали этих пшеничных «жаворонков», шли в поле, подбрасывали их в воздух, ловили и приговаривали:

Жавороночки, прилетите-ка,
Красну весну принесите-ка,
Нам зима-то надоела,
Хлеба с солью много съела -
Соли-то кадушку,
А хлеба краюшку (8, с. 14).

Птицы выступают в этих песнях не только как предшественники весны, но и как помощники крестьян в их полевых работах. Весенний обрядовый фольклор этого периода отражал в первую очередь состояние сельского хозяйства и нужды крестьян.

Важной особенностью обрядово-поэтической традиции «встречи весны», которая определила ее структуру и эволюцию, является активное включение в ритуал с «жаворонками» детей. В Орловском крае

зарегистрировано несколько групп произведений.

1. Традиционные диалогические заклички, обращенные непосредственно к «весне»:

Весна красна! На чем пришла?
- На кнутику, на хомутику,
На овсяном пучке,
На пшеничном колоске (8, с. 15).

2. Традиционные императивные обращения к «весне», призывающие ее «прийти»:

Весна, весна, красная!
Приди, весна, с радостью,
С радостью, с радостью,
С великой милостью;
Со льном высоким,
С корнем глубоким,
С хлебом обильным (8, с. 16).

3. Заклички, сопровождающие ритуал с «жаворонками». Сюда входят приговоры, в которых заключено обращение к «жаворонкам» с просьбой прилететь:

Кулики-жаворонки,
Солетайтесь к нам на одонки (8, с. 18).

4. Достаточно многочисленная группа детских закличек, сопровождающих ритуал с «жаворонками», которые сформировались за счет использования внутренних ресурсов детского календарного репертуара. Основной мотив – обращение к солнцу:

Солнышко, Солнышко!
Где твои детки?
Сидят на поветке
В соломенной клетке.
Со льном высоким,
С корнем глубоким,
С хлебом обильным (8, с. 16).

Соотношения этих групп фольклорных произведений между собой в локальной традиции, их связь с «закливанием весны» и ритуалом с «жаворонками», распределение по разным возрастным группам указывают на последовательное сближение рассматри-

ваемых обрядово-поэтических форм. Дифференцированность их наблюдается в закреплении за разными датами календаря, в участии людей разных возрастных категорий («закливание весны» – взрослые, молодежь, ритуал с «жаворонками» – дети), в исполнении определенных групп текстов. Такое бытование было характерно для Калужской губернии.

Для Орловской губернии характерно несколько иное состояние традиции, отмеченное неразличием «закливания весны» и ритуала с «жаворонками». Такое соединение в один ритуал повлекло за собой изменения в сопровождающих обряд фольклорных текстах. Действия с жаворонками – подбрасывание, помещение их на самое высокое место – могли сопровождаться исполнением весенних закличек. «Жаворонков сажают на перемет и кличуть вясну:

Весна красна,
На чем пришла?
На кнутуку,
На хомутику.
На кобылке сиватушке,
На тележке громатушке» (8, с. 21).

Способы формирования поэтического репертуара цикла «встречи весны» в Орловском крае традиционны для русского календарного обрядового фольклора. Связь лирических песен с соответствующим календарным циклом, как правило, тематическая.

Последним весенним праздником была так называемая «семицкая» неделя. Главная часть этих обрядов была связана у славян с верованием в растительных духов плодородия, будто бы пребывавших в деревьях, в хлебах, в цветах и травах.

Из деревьев эти духи будто бы особенно предпочитают березу на севере и клен на юге. Славяне полагали, что эти духи влияют на плодородие полей, лугов, лесов, способствуют росту хлебов, трав, плодовых деревьев, обеспечивают урожай, а также наделяют здоровьем.

Среди «семицких» песен, записанных в орловской среде, наибольшее количество посвящается белой березке:

Береза моя, березонька,
Белая моя береза,
Береза моя кудрявая,
Стоишь ты, березонька,
Посередь долинушки,
На тебе, березонька,
Листочки зеленые,
Под тобой, березонька,
Трава шелковая.
Близ тебя, березонька,
Красны девушки
В семик поют (8, с. 23).

Мы видим, как на фоне чудесной картины, когда вся природа благоухает, молодая березка покрылась листочками, под березой шелкова трава расстилается и цветут цветы, раскрываются взаимоотношения людей, их чувства.

Среди приуроченных к обрядовому семицко-троицкому комплексу встречаются песни с устойчивыми мотивами величания. Зачин в них начинается со слов «у ворот» или «супротив наших ворот». Эти песни исполнялись во время игр и хороводов. В процессе их исполнения величали парней, девушек, происходил своеобразный выбор женихов, невест.

Сравнения в этих песнях традиционны для величальной поэзии, в частности, для дифференцированных колядок: девушки – ягоды, парни – цветы. Красота парня в его кудрях. Эпитеты традиционны: девка красная, камень белый, верба кудрявая, конь вороной.

Среди песен, в которых описываются обряды, составляющие данный праздник, встречаются и такие, где предстает внутренний мир участников обряда, их переживания. Это роднит их с лирическими песнями, хотя они являются неотъемлемой частью бытования обряда и исполняются только в этот период.

В настоящее время многие из рассмотренных произведений не находятся в активном бытовании, поэтому актуальной является проблема поиска материалов, записи сохранившихся до наших дней в памяти людей описаний обрядов и сопровождавших

их фольклорных произведений, а также систематизация опубликованных текстов в отношении к отдельной территории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аникин В.П. *Календарная и свадебная поэзия*. – М.: Изд-во МГУ, 1970.
2. Добровольский В.Н. *Некоторые поверья, песни и обряды Орловской и Калужской губернии // Живая старина*. – 1902. – В.2.
3. Круглов Ю.Г. *Русские обрядовые песни*. – М.: 1982.
4. Пропп В.Я. *Русские аграрные праздники*. – Л.: Ленинградский университет, 1963.
5. Сатыренко А.С. *Подблюдные песни как цикл и особенности их поэтики*. – М., 1997.
6. Соколова В.К. *Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. XIX – начало XX в.* – М., 1979.
7. Шейн П.В. *Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т.п.* – СПб., 1898. Т.1. Вып.1.
8. *Рукописный фольклорный фонд кафедры историко-культурного наследия Орловского государственного университета. Шифр РФФ. Тетрадь №11. Страница указана в тексте.*

Об авторе

Полосухин Владимир Викторович, старший преподаватель кафедры историко-культурного наследия Орловского государственного университета. Фольклорист. Автор монографии «Русская бытовая песня в орловских вариантах», а также десяти статей.